

СОДЕРЖАНИЕ:

Раздел I. Тема 16 Основные черты права средневековой Англии.....	3
Раздел II. Задача №3.....	39
Список использованной литературы.....	42

ВВЕДЕНИЕ

Особенности исторического развития во многом обусловили особые пути развития английского права. В период раннего феодализма господствовало обычное право, которое постепенно начало фиксироваться. Сборники составлялись в различных англосаксонских королевствах. Наиболее важными сборниками были: Законы Инэ (ок. 690 г.), Законы Канута (1017 г.).

После норманнского завоевания обычаи и традиции Англии были консолидированы в рамках “общего права”. В результате реформ Генриха II королевская власть установила контроль над местным управлением и правосудием с помощью разъездных судов.

1. ИСТОЧНИКИ АНГЛИЙСКОГО ПРАВА

Феодальное право Англии отличалось сложностью, запутанностью, казуистичностью, что было связано с особыми путями его формирования, в частности с тем, что оно не испытало действенного влияния римского права, римской правовой мысли.

До нормандского завоевания в XI в. основными источниками права в Англии были обычай и королевское законодательство. Про возглашение законов очень рано стало у англосаксонских королей одним из средств поднятия их престижа и удовлетворения материальных притязаний. Первые правовые сборники стали появляться здесь еще в VI в. В 601-604 гг. в Кенте была провозглашена Правда Этельберта. В VII в. была составлена в Уэссексе Правда Инэ, в IX в. в первом относительно централизованном государстве англосаксов - Правда Альфреда, в XI в. - Законы Кнута. Все эти сборники отразили постепенные процессы социального расслоения, феодализации англосаксонского общества, становление государственности, влияние христианской религии, принятой здесь в начале VII в.

В основу Правды Этельберта были положены нормы старого обычного права, но она отразила и новые правовые положения, устанавливающие, например, повышенные штрафы за преступления против короля и церкви, материальные взыскания короля по ряду исков свободных (дела о краже, убийстве). Так, за убийство свободного человека выплачивался не только вергельд семье убитого, но и штраф (в 50 шиллингов) королю в качестве возмещения господину.

В IX в. король уже выступает как главный гарант "королевского мира", как защитник и господин своих подданных. Устанавливается высшая юрисдикция короля по целому ряду правонарушений. Усиливается охрана жизни короля. Злоумышление против его жизни влечет за собой смертную казнь.

Основываясь на обычном праве, последующие сборники заимствовали правовые нормы предшествующих. Король Альфред, например, создавая свою правду, указывал, что он заимствовал многое из прежних законов, особенно Этельберта, "которые ему понравились", но многое и опустил "по совету мудрых".

Политика первых нормандских королей, начиная с Вильгельма Завоевателя, также была направлена на соблюдение "старинных и добрых англосаксонских обычаев". В это время, таким образом, уже зарождается традиция стойкой исторической преемственности английского права, а роль главного гаранта соблюдения его норм переходит к сильной королевской власти, к складывающейся системе общегосударственных королевских судов.

С деятельностью на постоянной основе королевских разъездных судей при Генрихе II (XII в.) и было связано формирование "общего права" (Common law) страны. Оно рассматривало прежде всего "тяжбы короны", то есть дела, представляющие прямой интерес с точки зрения возможных доходов казны: о феодальных правах монарха, об обнаружении кладов, о подозрительных смертях и нарушениях королевского мира, о злоупотреблениях королевских должностных лиц.

Кроме того, рассматривались ими и "общие тяжбы" или "тяжбы народа" по жалобам, поступающим к королю. Одним из первых центральных королевских судов и стал суд "общих тяжб", созданный в 1180 году. В начале XIII в. функции разрешения дел по жалобам королю перешли в "Суд королевской скамьи". Разъездные суды начали унифицировать нормы местного обычного права и создавать "общее право" с помощью королевской канцелярии, которая издавала специальные приказы (writ), как правило по заявлению потерпевшей стороны, которые содержали требование к обидчику или шерифу исполнить его и устранить нарушенные права жалобщика. Затем стали издавать специальные судебные приказы, требование которых было обращено непосредственно к обидчику - явиться "перед нами или нашими судьями в

Вестминстере" и дать ответ на жалобу, то есть опровергнуть или признать нарушение прав другого лица.

Со временем в приказах стал четко формулироваться вид требования, иска; приказы стали классифицироваться по определенным видам правонарушений. Истец, таким образом, получал уверенность, что если нарушение его прав, нашедшее выражение в соответствующем приказе, будет доказано в суде, то он выиграет дело.

Этому способствовали прежде всего ассизы Генриха II, которые установили единообразный способ рассмотрения гражданских тяжб о земле. Наиболее известна "Великая ассиза", предусматривавшая особую форму иска об установлении правового титула на землю, а также ряд владельческих ассиз: "О смерти предшественника" (о передаче свободного держания наследникам); ассиза "О новом захвате" (о расширении путем "новых захватов" домениальной земельной собственности короля); ассиза "О последнем представлении на приход" (о праве землевладельца представлять своего кандидата на место священника в приходской церкви). Две крупные ассизы - Кларендонская (1166 года) и Нортгемптонская (1176 года) были изданы в форме инструкций разъездным судьям.

Так как на ранней стадии формирования "общего права" королевские приказы издавались по каждому конкретному случаю, то уже к началу XIII в. их накопилось так много, что в них трудно было разобраться. В связи с этим в XIII в. стали издаваться своеобразные справочники по "общему праву" - реестры приказов, в которых они стали фиксироваться в виде образцов исков, в строгой юридической форме.

Стороны с этого времени не могли свободно обосновывать свои права, а обязаны были опираться на эти образцы, что неизбежно должно было привести к окостенению системы приказов, к сокращению притока новых формул исковых требований. Так и произошло. Если лорд-канцлер как глава королевской канцелярии выпускал какой-либо приказ по собственной

инициативе, то судьи часто отказывались его применять. Ограничения издания новых приказов нашли отражение в Оксфордских провизиях в 1258 году, в период обострения борьбы крупных феодалов (баронов) с королем.

Поток жалоб, поступавших к королю и не находивших судебной защиты, был столь велик, что он заставил английского короля Вестминстерским статутом 1285 года предписать лорду-канцлеру как хранителю "реестра приказов" расширить действие "общего права" путем выпуска новых приказов по аналогии, подобных прежним. "Реестр приказов" пополнился после этого универсальным иском "применительно к данному случаю" (action in the case). Но и с помощью этих временных мер предусмотреть все жизненные ситуации было невозможно. "Общее право" продолжало окостеневать. С XV в. канцлер уже не составлял формулу приказа, она писалась самостоятельно истцом, который только обращался за печатью короля.

Другим каналом формирования норм "общего права" стала сама практика королевских судов. Записи по судебным делам, сначала в форме краткого, затем подробного заявления сторон и мотивировки судебного решения, велись с момента возникновения института разъездных судей. С начала XIII в. судебные протоколы стали публиковаться в "Свитках тяжб". Содержащиеся в них материалы, мотивировки удовлетворения иска, подтверждали наличие того или иного обычая и могли быть использованы в последующей судебной практике в качестве прецедента. Хаотичный характер записей, однако, крайне затруднял возможность судей отыскать в них нужные им сведения. С середины XIII в. эти сведения о наиболее важных судебных делах судьи стали черпать из официальных отчетов - "Ежегодников". В 1535 году на смену им пришли систематизированные судебные отчеты частных составителей.

Вместе с публикацией материалов судебных дел стала формироваться и теория судебного прецедента, еще далеко не завершенная в это время. Руководящий принцип, закрепленный в предшествующем решении королевских

судов по определенному правовому вопросу, стал приобретать постепенно силу образца при рассмотрении аналогичных вопросов в будущем.

В XIV в. в Англии бурно развиваются рыночные, частнособственнические отношения, но они не находят адекватного отражения в нормах "общего права", формализм которого препятствует этому. Почему же готовые рецепты регулирования частнособственнических отношений римского права в это время не были востребованы в Англии? Ответ надо искать прежде всего в истории формирования английских судов.

Нормандское завоевание приблизило Англию к интеллектуальной жизни континента. Сразу же после него начинает читать свои лекции по Дигестам Юстиниана в Болонье Ирнерий, а затем Грациан создает свои "декреты", ставшие основой канонического права. Курсы римского и канонического права читаются в Оксфорде, школы канонического права создаются при монастырях.

Первые английские судьи, те же клирики и чиновники, были открыты для восприятия высоких достижений римской правовой культуры. Но с конца XIII в. при Эдуарде I их стали назначать из профессионалов. Именно тогда складываются замкнутые корпорации судей с принадлежащими им подворьями (Inn's of Court), где готовились будущие судьи и правозаступники (баристеры и солиситоры). Монополизировав в своих руках охрану английского миропорядка, они выступали, защищая прежде всего свои профессиональные интересы, яркими апологетами "общего права", доказывая его несравненные преимущества перед правом римским. При этом утверждалось, что они не создают право, а лишь открывают его извечно существовавшие нормы. К тому же самобытная система "общего права" уже в XIV в. занимала прочные позиции в этой стране.

Результатом формализма, дороговизны, медлительности, общей неспособности "общего права" решительно трансформироваться в связи с меняющимися историческими условиями стало появление в Англии в XIV в. "суда справедливости" и последующего формирования еще одной правовой системы, "правасправедливости" (equity).

Возникновение "суда справедливости" было связано с деятельностью лорда-канцлера - "проводника королевской совести", который сначала от имени короля, а с 1474 года - от своего имени стал оказывать защиту истцам, жалующимся на "плохое правосудие", на то, что их обидчики не преследовались, а они не защищались в судах "общего права".

На основе обращения потерпевших к королю с просьбой "ради Бога и милосердия" защитить их права лорд-канцлер стал издавать приказы о вызове под страхом штрафа (sub poena) обидчика в канцлерский суд, где без формальной процедуры разбирались жалобы, выносились решения, невыполнение которых грозило ответчику тюремным заключением на основе специального приказа за неуважение к суду. В начале XIV в. при Эдуарде II аппарат при лорде-канцлере окончательно превращается в суд, не связанный нормами "общего права", а руководствующийся нормами "справедливости".

"Право справедливости" не обладало жесткой детерминированностью, оставляя решение многих вопросов на откуп судей, что неизбежно должно было привести к созданию ряда принципов, ограничений, соответствующего "инструментария" справедливости. Эти принципы и стали создаваться по мере того, как накапливались решения "судов справедливости". Судебные отчеты по рассматриваемым делам начали публиковаться поздно, с 1557 года, когда резко возросло количество дел в судах справедливости.

Основные принципы "права справедливости", часть которых была заимствована из "общего права", сведенные в определенную систему норм в XVII в., сохранили свое значение до наших дней. Главный из них заключается в том, что "право справедливости" - это "милость короля", а не исконное право потерпевшего. На "право справедливости" нельзя претендовать во всех случаях нарушения прав, так как оно носит дискреционный характер, то есть зависит от усмотрения суда.

Среди других принципов можно отметить следующие:

- "право справедливости" не может быть дано в ущерб правам лиц, основанным на "общем праве", если только эти лица не совершили каких-либо неправомерных действий, вследствие которых было бы несправедливым с их стороны настаивать на своих правах;
- там, где возникает коллизия между нормами "права справедливости", действует норма "общего права";
- там, где возникает коллизия прав по "праву справедливости", следует защищать те права, которые возникли раньше по времени;
- равенство есть справедливость. Тот, кто ищет справедливости, должен сам поступать справедливо;
- "право справедливости" признает приоритет закона, но не допускает ссылки на закон в целях достижения бесчестных намерений и пр.

"Право справедливости" создавалось не для того, чтобы заменить "общее право", а чтобы придать ему большую эффективность путем отхода от старых формальных правил, создать средства защиты нарушенных прав и интересов в тех сферах общественных отношений, которые не затрагивались нормами "общего права". Если сначала "право справедливости" дополняло "общее право", то со временем, в силу изменившихся исторических условий, оно стало приходить в прямое противоречие с ним. Столкновения между "судами справедливости" и судами "общего права" начались в 1616 году, когда Э. Кок, главный судья "Суда общих тяжб" в Вестминстере, поставил вопрос о том, может ли "суд справедливости" выносить решение после соответствующего решения суда "общего права" или вместо него? Резко конфликтную ситуацию вызвали прежде всего приказы канцлерского суда (injunction), запрещающие исполнение некоторых решений судов "общего права".

Яков I, предпоследний абсолютистский король в Англии, решил этот конфликт в пользу "суда справедливости", судьи которого отстаивали абсолютную и неограниченную власть монарха, имеющего право вмешиваться "через своих слуг" в отправлении правосудия. Королем был издан указ, что в

случае, когда нормы "общего права" и "права справедливости" оказываются в противоречии, последние имеют преимущественное значение.

Особый характер развития прецедентного права потребовал обращения и к трудам английских правоведов, которые очень рано стали выполнять роль гидов в лабиринтах двух систем английского права.

Первый правовой трактат появился в Англии еще в XII в. Он был написан при Генрихе II, его юстициарием Гленвиллем. Этот трактат представлял собой комментарий к приказам королевских судов. Более подробное изложение норм "общего права" принадлежит перу Брактона (XIII в.), судье "Суда королевской скамьи", который, следуя Гленвиллю, попытался систематизировать и прокомментировать нормы "общего права", почерпнутые им из "Свитков тяжб". Примечательно, что при этом Брактон использовал не менее 500 отрывков из Дигест Юстиниана, без ссылок на них.

С XV в. появляются ученые трактаты уже по наиболее важным и сложным вопросам права. Это работа Литтльтона "О поземельных держаниях", а также трактат Фортескью с весьма характерным названием "Похвала английским законам". В сфере внимания английских правоведов все чаще попадают и нормы статутного права, значение которых со временем все больше возрастает.

В начале XVII в. знаменитым Э. Коком были составлены "Институции законов Англии", которые состояли из четырех книг. Первая книга содержала комментарий на трактат Литтльтона, вторая содержала изложение наиболее значимых статутов, третья была посвящена нормам уголовного права и четвертая - судоустройству и судопроизводству. В практике английских судов постепенно устанавливается обыкновение ссылаться на сочинения наиболее известных правоведов, тем самым их труды приобрели характер своеобразных источников английского права.

При доминирующем распространении в средневековом праве Англии прецедентных норм важное значение на всех этапах его развития, особенно в переломные эпохи, имело королевское законодательство, статутное право.

Королевское законотворчество в посленормандские времена началось с Вильгельма Завоевателя. Его первые законы касались отношений королевской власти с христианской церковью. В 1067 году Вильгельм издает закон (декрет), провозглашающий, что только английский король правомочен решать, должна ли церковь в Нормандии и Англии признавать папу римского, что сам король издает законы церкви через им же созданный церковный синод, а также имеет право отменять церковные наказания, наложенные на его баронов и слуг. В 1072 году в благодарность за признание со стороны папы его права на английский престол король принимает закон об отделении церковных судов от светских. Вслед за этим объявляется закон о запрещении продажи людей за пределы страны, о наложении штрафа на сотню за "тайное убийство" нормандца, "пока не будет представлено явных доказательств, что он был англичанином". В 1114 году появляется один из самых ранних сборников королевских законов.

Законы короля назывались ассизами, хартиями, но чаще всего ордонансами, статутами. Законодательство Генриха II (XII в.), Эдуарда I (XIII в.), прозванного за бурную правотворческую деятельность английским Юстинианом, предопределило в значительной мере форму и содержание "общего права", выработало его основополагающие правила и принципы.

До возникновения парламента, а точнее до царствования Эдуарда I, различий между королевским ордонансом и статутом не проводилось. Мертонский статут 1235 года появился до создания парламента. Вестминстерские статуты 1275, 1285, 1290 гг. Эдуарда I, призванные устранить пробелы в "общем праве", усилить королевский контроль за отправлением правосудия, ограничить иммунитетные права феодалов и землевладение церкви и др., принимались при участии парламента.

Постепенно название статута закрепилось за актом, принятым парламентом и подписанным королем. Статуты -парламентские акты стали отличаться от других источников права средневековой Англии тем, что их законность, в отличие от их толкования, не могла обсуждаться в судебном порядке.

Понятие статута, более приближенное к современному парламентскому акту, появилось лишь в 1327 году, когда общины обратились к королю с просьбой доводить до его сведения "общие петиции" (содержащие часто готовые законопроекты - билли) и получать "ответ короля и его советы в письменной форме за Большой печатью королевства". С этого времени одни законодательные акты принимались королем "с согласия Совета", другие - "с согласия парламента". Подтвердив право короля издавать "указы в Совете", парламент установил, что впредь только статут может изменить содержание ранее принятого статута.

Все парламентские ограничения королевского законодательства фактически были отброшены в период абсолютизма, когда указы короля вторгались в решение самых важных государственных вопросов, а парламент часто сам уполномочивал короля издавать указы, которые существенно меняли содержание парламентского статута. Установившаяся практика была закреплена статутом 1539 года, предоставившим королю широкие права в издании прокламаций, указов, когда парламент не заседает, "если возникает необходимость действовать со всей быстротой, требуемой обстоятельствами".

Особое место среди источников средневекового права Англии заняли также нормы торгового и канонического права. Консервативный формализм "общего права", не способствующий развитию рыночных отношений, предопределил прямые заимствования английским правом ряда норм торгового и канонического права, складывающихся на межгосударственной основе. Появление значительного числа торговых обыкновений было связано и с деятельностью английских торговых судов. Их правовая сила скреплялась часто

королевскими статутами. Дело в том, что в портовых городах Англии, ставших с конца XIII в. важными центрами международной торговли, вместе с оптовыми ярмарками по продаже шерсти, сукна, металлов развилась целая сеть специальных судов (court of the staple). В XIV в. суды по оптовой торговле действовали уже в 614 английских городах. Выступая в роли защитников безопасной международной торговли, приносящей казне немалые доходы, английские короли поощряли как деятельность купцов (это нашло отражение еще в 41 статье Великой хартии вольности 1215 года), так и деятельность купеческих судов. В 1353 году, например, был принят специальный статут об оптовой торговле и городских торговых судах, которые должны были создаваться местными и заморскими купцами под председательством мэров английских городов. На решения этих судов можно было подавать апелляции как в королевский, так и в канцелярский суд. Статут прямо отсылал торговые суды к нормам торгового, а не "общего права". В 1471 году английский парламент постановил также, что все лица, связанные с ярмарками, имеют право требовать суда "запыленных ног".

Деятельность церковных судов и соответственно значение норм канонического права то возрастала, то снижалась в средневековой Англии в зависимости от сложных перипетий непрекращающейся борьбы светских и церковных властей за расширение своей юрисдикции. "Всякий, кто будет обвинен в каком-либо нарушении церковного мира, - гласил закон Вильгельма Завоевателя, - должен явиться в место, назначенное епископом, и там возместить ущерб, как того требует не обычай сотни, а в соответствии с требованиями канонов и церковного права".

Юрисдикция церкви распространялась не только на дела, связанные с церковной собственностью, брачно-семейными отношениями, завещаниями, с такими преступлениями, как ересь, богохульство и пр. Она стала вторгаться и в чисто светские дела, например, в споры по договорам, по искам о "нарушении обещания", на том основании, что имел место грех "неоправдавшегося доверия". Решительную борьбу против расширения юрисдикции церковных

судов вел Генрих II. В начале его царствования в списке форм исков королевских судов уже встречаются иски "о запрещении церковным судам разбирать тяжбы об имуществе и долгах". Статут Эдуарда I 1285 года запрещает церковным судам рассматривать дела "о нарушении обещания" на том основании, что они не относятся к сугубо "духовным делам", требующим "морального исправления".

Тем не менее вплоть до XVI в., до установления англиканской церкви при короле Генрихе VIII, никто не отвергал законность папской юрисдикции в таких вопросах, как ортодоксальность веры и богослужения, чистота нравов, законность браков, законорожденность детей и составление завещаний*. В том же веке парламентским актом было установлено, что впредь до предполагаемого, но так и не состоявшегося пересмотра норм канонического права его действие в Англии сохраняется. Единственным законом, касавшимся пересмотра канонического права, стали постановления Кентерберийского и Йоркского соборов, введенные в действие Генрихом VIII под названием "Letters of business", согласно которым нормы канонического права должны действовать, если они совместимы с законами королевства или прерогативами короны и "не противоречат и не нарушают их". Вместе с тем толкование норм канонического права, например, о наследовании по закону и завещанию, принадлежало судам "общего права".

2. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Право феодальной собственности, особенно земельной, определяло во многом характер всей правовой системы страны.

Его сложность была связана с рядом исторических обстоятельств, в частности, с сохранением в период средневековья определенного слоя свободных крестьян - собственников земли, с верховной собственностью на землю английского короля, которая так или иначе определяла другие формы феодального "держания" земли. В английском праве различалось движимое и недвижимое имущество, но традиционным было деление вещей на реальную (real property) и персональную собственность (personal property). Это деление, сложившееся исторически, было связано с различными формами исков, которыми защищалась реальная или персональная собственность.

Феодальное земельное право признавало прежде всего специальный вид земельных прав, заслуживающих особой охраны, которые защищались реальными исками (real action), то есть исками, в случае успеха которых утраченная вещь возвращалась ее владельцу. Эти иски носили абсолютный характер и могли быть представлены любому лицу.

Реальными исками защищались родовая недвижимость и только такие права на землю, которые носили характер свободного держания, феодального владения от короля или от другого лорда. К ним относились и права на феодальный титул. Все другие вещи защищались персональными исками, по которым можно было требовать возмещения ущерба.

Земля изначально занимала особое место в английском средневековом праве в силу особой, не столько экономической, сколько военно-политической заинтересованности короля в раздаче феодальных ленов за военную и другую службу. Королевские пожалования земли (бокленд) были распространены еще в донормандской Англии наряду с фольклендом ("народной землей") или землевладением типа аллода. В посленормандском английском праве не

существовало понятие неограниченной, безусловной собственности на землю. Земельные права определялись двумя главными понятиями tenancy -владение, держание и estate -объем владельческих прав, правовых интересов (их продолжительность, возможность отчуждения и пр.). Владение (tenancy) в свою очередь было свободным или несвободным. Свободное владение (freehold) -это владение землей, полученной или на условиях несения рыцарской службы, или по праву личной службы, а также землевладение свободного крестьянина, который уплачивал лорду фиксированную сумму денег и подпадал под его юрисдикцию (сокаж).

Несвободное держание, связанное с личными и поземельными повинностями крестьянина в пользу лорда, со временем превратилось в наследственное право феодальной аренды и получило на звание copyhold, поскольку условия этой аренды фиксировались в копиях протоколов манориальных судов. Несвободное держание первое время не защищалось в королевских судах. В XV в. иски, связанные с ним, стали рассматриваться в канцлерском суде, а в XVI в. под влиянием этого суда и в судах "общего права" на основании фикции, что у копихолдера появился "фрихольдерский интерес".

Понятие estate, существующее и поныне в английском и американском земельном праве, дает не только представление об объеме владельческих прав на недвижимость, но и о наборе технических средств для передачи собственности. Оно охватывает права круга различных лиц, живущих или еще не родившихся, которые включены в отношения владения, пользования, распоряжения и контроля над собственностью.

Это понятие также складывалось исторически. Все развитие английского средневекового права связано с борьбой феодалов за право свободного распоряжения землей, обремененной многочисленными ограничениями в связи с повинностями службы. В 1290 году по статуту "Quia Emptores" лорды получили право продажи земли при условии, что на нового ее держателя переходят все служебные повинности прежнего. Статут подтверждал также

содержание ранее изданного статута 1279 года, запрещавшего продавать или иным образом передавать землю в "мертвые руки" церкви. Такая передача влекла за собой полное исключение земли из феодального оборота, так как ни прежний лорд, ни король, в случае отсутствия наследников лорда, не могли рассчитывать на ее возвращение.

Последующее расширение прав феодальных владельцев земли и привело к утверждению самой перспективной формы свободного держания в феодальном праве Англии - *estate in fee simple*, означающей наиболее полное по объему прав владение, близкое к частной собственности.

Ее отличие от частной собственности выражалось только в том, что земля при отсутствии наследников держания не становилась выморочной, а переходила к прежнему лорду или его потомкам, даже самым отдаленным. Иной правовой статус был у недвижимости *estate in fee tail*, или у "заповедных земель". Эти земли могли переходить по наследству только кровным родственникам владельца, как правило, старшему сыну. Возможность создания заповедных прав на землю с ограничениями в отношении порядка наследования была предусмотрена статутом 1285 года о недвижимости почти во всех случаях создания семейной собственности, защищаемой "общим правом". На эту собственность не могли обращать взыскания кредиторы. Создатели статута стремились тем самым к тому, чтобы собственник не мог отчуждать или обременять свое имение в течение жизни в ущерб наследникам. Однако эти запреты очень скоро стали обходиться. Владелец недвижимости должен был только пройти через дорогостоящий фиктивный процесс, чтобы получить возможность обращаться с имением как с "простой собственностью".

Две другие формы свободного держания, применительно к объему владельческих прав, выражались в пожизненном владении (*estate for life*) и во владении на определенный срок (*for years*). Права на недвижимость *for life* могли устанавливаться не только на срок жизни лица, владеющего собственностью, но и на срок жизни третьего лица, например его жены. Эти права на землю были

самыми древними из известных "общему праву". Держатель земли for life имел меньше прав, чем держатель fee simple, но его права были шире, чем у держателя for years, или арендатора земли. Он имел права не только на поверхность земли, но и как владелец (собственник) in fee simple на ее недра. Но подобно арендатору недвижимости на срок он отвечал за вред, причиненный земле.

Лицо, установившее на свою землю, недвижимость пожизненную собственность, не перестает быть собственником того же имущества. Ему принадлежит "выжидательная собственность" (remainder), которая дает ему право вступить в права собственника после того, как для другого лица прекратится пожизненная собственность.

Каким бы длительным не был срок аренды земли, средневековые юристы в течение столетий не признавали ее реальной собственностью (real property), т.е. восстанавливаемым с помощью реального иска правом. "Право справедливости" требовало в исключительных случаях возвращения незаконно удерживаемой арендованной земли на основании фикции, что арендное владение землей, хотя и не является в прямом смысле этого слова объектом реального иска, но может быть восстановлено специальным иском "об отнятии по суду" (action of ejectment). Аномальный характер арендных прав обозначался столь же аномальным понятием chattels real - движимая, реальная собственность.

Средневековое английское право не знало института залога земли в том виде, в каком он был известен римскому (или современному) праву, т.е. как особого вида вещного права, отдельного от права собственности, дающего кредитору возможность обеспечить возврат долга за счет стоимости заложенного имущества.

Между тем проблема обеспечения долга очень рано приобрела в Англии свою практическую остроту. Еще в XII в. должник мог передавать в обеспечение долга землю кредитору на основании фидуциарной (основанной на

доверии) сделки, в силу которой кредитор становился собственником земли, но обязан был, не нарушая доверия, вернуть ее должнику после исполнения им своих обязательств.

В случае неисполнения их в срок, право собственности кредитора на заложенную землю становилось бесспорным. Кредитор мог даже не засчитывать в счет погашения долга полученные от земли доходы, хотя такой "мертвый залог" порицался церковью как "грешный".

В XIII-XIV вв. права залогодателя получили защиту в судах "общего права", которые стали требовать возвращения земли должнику, если обязательство было исполнено в назначенный срок.

Канцлерский суд в XVI в. пошел дальше и установил принцип, по которому всякое заложенное имение, земля могли быть освобождены от залога по "справедливости выкупа" в льготный срок, до вынесения судебного решения о бесповоротном переходе права собственности на заложенную вещь на кредитора. "Запрещение" залогополучателю продолжать судебное дело об изъятии залога содержалось в том же приказе *in quantum*.

Чисто английским институтом вещного права стал институт доверительной собственности (*trust*). Английские юристы, например Ф. Майтленд (1850-1906), говорят об этом институте с восхищением, утверждая, что это "величайшее и наиболее определенное достижение англичан в области юриспруденции".

Возникновение института доверительной собственности связано также с особенностями феодального землевладения, к числу которых относятся ограничение круга наследников земли и ограничения продажи земли церкви, монастырям, религиозным орденам, особенно так называемым нищенствующим орденам (как орден Святого Франциска), которые вообще не имели права владеть землей.

Суть этого института заключалась в том, что одно лицо - учредитель доверительной собственности (*settler of trust*) передает другому лицу -

доверенному собственнику (trustee) свое имущество с тем, чтобы получатель управлял имуществом, использовал его как собственник в интересах другого лица, выгодоприобретателя (beneficiary, -им мог стать и первоначальный собственник) или для осуществления иных целей, например благотворительных.

Практика передачи земли в целевое пользование (use) зародилась еще в XII в. и бурно развилась в период крестовых походов, когда земля отдавалась на основе доверия родственникам или друзьям до достижения совершеннолетия сыновей или до возвращения прежнего владельца.

Братства нищенствующих монахов, передавая мирянам землю для использования ее в их интересах, не только обходили правовые и религиозные запреты, но и накапливали огромные богатства. Только в конце XIV в. доверительная собственность стала защищаться в канцлерском суде, поскольку речь шла о нарушении доверия, справедливости. С этого времени доверительная собственность стала называться equitable ownership, в отличие от собственности, защищаемой "общим правом", - legal ownership.

Первое закрепление института доверительной собственности законом относится к 1375 году. В XV в. уже значительные массивы земель, недвижимости перешли в доверительную собственность. Генрих VIII в ходе реформы английской церкви предпринял конфискацию церковных земель, но столкнулся с тем, что, хотя церковь и монастыри были крупными землевладельцами, формально собственниками своих земель они не являлись.

Чтобы изъять церковные земли, английский парламент принял в 1535 году так называемый статут о пользовании (statute of uses), которым было постановлено, что в тех случаях, когда одно лицо владеет имуществом в интересах другого лица, фактически собственником земли признается тот, в чьих интересах земля используется. Этот статут на некоторое время затормозил распространение действия института доверительной собственности, но не ликвидировал его. Суды с помощью сложной конструкции "право пользования

на пользование" стали успешно обходить статут. Это "вторичное пользование" и стало известно как trust, т.е. доверительная собственность в собственном смысле слова, защищаемая канцлерским судом.

Доверительная собственность широко стала возрождаться светскими властями после реформации, когда было существенно ограничено церковное землевладение и почти исчезла церковная благотворительность.

В 1601 году при королеве Елизавете был даже принят статут о благотворительном пользовании (statute of charitable uses), на основании которого вводилась должность Верховного уполномоченного специальной парламентской комиссии, в обязанность которого входили контроль за благотворительными дарами и пресечение злоупотреблений, связанных с ними. В преамбуле статута перечислялись наиболее распространенные и признанные виды благотворительной деятельности. Если при учреждении траста цель, которую преследовал учредитель, попадала в перечень целей, указанных в преамбуле, то суды придавали этому трасту статус благотворительного.

В преамбуле перечисляются следующие виды благотворительной деятельности: помощь бедным, немощным, престарелым, больным и увечным солдатам и матросам; школам, колледжам и университетам; обучение и материальная поддержка сирот, поддержка исправительных учреждений; выкуп военнопленных и уплата штрафов за осужденных и др. Расплывчатые и спорные критерии этих целей (например, можно ли признать благотворительным дар в пользу престарелого миллионера?) детализировались в судебной практике. Суды выработали доктрину "общественной пользы", обосновывающую правило, что все трасты, не несущие обществу никаких выгод, признаются частными, т.е. абсолютно противоположными благотворительным.

3. ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

В Англии еще в англосаксонские времена стали развиваться договорные отношения, но понятие договор (в связи с распространенной ленной, вассальной зависимостью), требующее соглашения двух формально равноправных сторон, в это время так и не сложилось. В Правде Инэ можно найти положения об ответственности продавца за качество продукции, о клятве в споре между истцом и ответчиком, но они относились скорее к области административных, а не договорных отношений.

В свете вышесказанного следует отметить, что договор (contract) как обязательственное соглашение двух или более сторон, порождающее их права и обязанности, отличается в английском праве от понятия простого соглашения - agreement (например, о дружеской услуге и пр.). Таким образом, по английскому праву всякий договор (contract) - это соглашение, но не всякое соглашение (agreement) - договор.

По мере развития рыночных отношений в английском праве стали складываться простейшие формы, из которых впоследствии и развилось обязательственное право: обязательства из деликтов и договоров. Это был длительный эволюционный путь развития норм "общего права", усложненный требованием той или иной формы иска для защиты нарушенного права.

Одним из самых ранних форм исков, защищаемых в судах "общего права", был иск "о долге" (action of debt). Эту форму иска упоминает еще Гленвилль (XII в.), который рассматривает его в ряду деликтов, как иск о "несправедливом удержании". Основанием иска "о долге" была фактически полученная выгода, а не обязательство по договору, поэтому он мог применяться в ограниченном числе случаев.

Другой ранней формой иска стал иск "об отчете" (action of account), предметом которого было договорное обязательство, облеченное в строго определенную форму, на основании которого одна сторона должна была совершить определенные действия в пользу другой.

Этот иск, первоначально применяемый в отношениях между лордом и управляющим манора, был связан с отчетом лица, которому были доверены чужие деньги и которое должно было предоставить собственнику отчет об их использовании. Иск стал применяться впоследствии в торговой практике, в деятельности товариществ. Гленвилль рассматривал этот иск также в ряду деликтов о "несправедливом удержании", обосновывая тем самым его использование и в случае займа, продажи, сдачи в наем, поклажи и пр. Иск of account был закреплен вскоре и в статутах Эдуарда I 1267 и 1285 гг.

Несмотря на то, казалось бы широкую сферу его применения, иск of account, однако, существенно не обогатил английское договорное право, ибо определяющим обстоятельством его применения было то, что должник в итоге получал определенную материальную выгоду без соответствующей оплаты с его стороны. Применение иска "об отчете" ограничивалось и тем, что ответственность должника непосредственно связывалась с получением только денежного возмещения.

Появление соглашения как обязательственного договора связано с признанием в XIII в. в судах "общего права" другого иска - иска "о соглашении" (action of covenant), содержащего требование к должнику исполнить обязательство, установленное соглашением сторон, если оно скреплено печатью (deed under seal). Это соглашение приобретало право на исковую защиту только при несоблюдении формы его заключения "за печатью" или при дефектах этой формы. Но здесь уже определяющим моментом становится не несправедливое обогащение одной стороны, а сам факт такого соглашения, определенное действие (deed), порождающее правовые последствия. Таким образом, был сделан еще один шаг на пути признания в будущем основополагающего принципа договорного права о "святости" договора, имеющего силу закона для лиц, заключивших его.

Развитие рыночных отношений с неизбежностью должно было опрокинуть крайний формализм сделок, договоров, поэтому суды "общего

права" стали предоставлять защиту и неформальным, словесным соглашениям. В XV в. в английском праве в качестве разновидности иска "о правонарушении" (trespass), целью которого была защита личности и собственности от посягательств, стал иск "о защите словесных соглашений", что стало возможным благодаря созданию фактически нового иска "применительно к данному случаю" (action on the case).

Эти иски, появившиеся при Эдуарде I, были закреплены в Вестминстерских статутах, когда возникла необходимость расширить список исковых формул в связи с их крайней недостаточностью.

Сфера применения и этого иска была не очень широка, так как сначала требовалось доказательство вины со стороны обязанного лица. Не случайно они применялись, например, для возмещения вреда от клеветы.

В XV в., однако, требование вины отпадает, и иски о правонарушениях (trespass on the case) стали применяться во всех случаях, когда имели место потери или вред, причиненные истцу, даже если они явились следствием простой небрежности или отсутствия "должной заботливости" со стороны ответчика.

Дальнейшее развитие договорного права связано с появлением иска "о принятии на себя" (action of assumpsit). Иски "о принятии на себя" первоначально защищали не все неформальные соглашения, а лишь те, в которых ущерб был причинен самим фактом исполнения договора только одной стороной, при этом не давалось никакой защиты договорам, подлежащим исполнению в будущем. Но ущерб мог быть причинен одной из сторон, когда, например, ожидая исполнения договора, она произвела какие-то расходы. Суды "общего права" стали учитывать и это обстоятельство, расширяя сферу применения исков "о принятии на себя" путем перенесения центра тяжести на ответственность за сам факт нарушения обещания, на защиту договора как такового. Эта трансформация иска "о принятии на себя" была зафиксирована со временем судом по делу "Стенгбороу против Уоркера" в 1589 году, с которым

был связан важный шаг в развитии договорного права. "Обещание, данное в обмен на обещание, может быть основанием иска", - гласило это решение. Договор, таким образом, отрывался от своего деликтного происхождения. Отныне лицо, не выполнившее обязательство, взятое на себя за обещанный или данный эквивалент, должно было отвечать за все убытки, понесенные потерпевшей стороной.

Постепенно суды "общего права" выработали доктрину "встречного удовлетворения" как необходимого условия признания любого неформального договора. К этому времени английские суды имели уже значительный опыт применения некоторых исков, связанных с чисто односторонними сделками, носящими полудоговорный характер (например, дарения), которые имели вид "документа за печатью". Следующим важным шагом на пути развития договорного права стало появление правила, что всякий договор либо должен был быть заключен в форме письменного договора "за печатью", либо - предусматривать "встречное удовлетворение" (consideration), выражающееся в определенной выгоде, полученной должником, или невыгоде (ущербе или ответственности) кредитора, связанной с договором.

В развитие английского договорного права внесло свой вклад и королевское законодательство, опиравшееся на практику торговых судов, опережавших суды "общего права" в решении ряда важных правовых вопросов, связанных с развитием рыночных отношений.

Так, проблема невыплаты долга привела к очень ранней практике королевского поручительства, когда король издавал так называемые открытые письма, в которых ходатайствовал перед кредиторами дать кредиты своим приближенным.

Дальнейшие поиски действенных способов для взыскания долга привели в 1283 году к изданию специального статута "о купцах", по которому кредитор мог отдать в долг товар, деньги и пр. в присутствии мэра города, при этом долговое обязательство фиксировалось в городских протоколах. Если должник

не выплачивал долг, мэ́р мог без всяких судебных решений назначить продажу движимости должника на сумму долга, либо просто предписать передать соответствующую часть имущества должника кредитору.

В 1285 году был издан второй статут "о купцах". Должник, просрочивший срок выплаты долга, подвергался аресту. Он должен был продать свое имущество в течение трех месяцев и выплатить долг. Если он этого не делал, шерифу предписывалось соответствующим судебным приказом "выручить продажей" имущество и вернуть долг кредитору.

Впоследствии особым законом XVI в. была введена обязывающая санкция к пропорциональному распределению имущества несостоятельного должника между его кредиторами. Если ранее она применялась только в торговых судах к купцам, то с XVI в. стала применяться ко всем должникам. В 1571 году закон позволил кредиторам, даже не прибегая к процедуре объявления несостоятельности (банкротства) должника, отменять его имущественные распоряжения, "сделанные с намерением отсрочить платежи, создать помехи кредиторам или обмануть их".

Судьи, расширительно толкуя этот закон, в ряде случаев даже перестали требовать доказательств "намерений обмана", чтобы пресечь беспрепятственную возможность должника распоряжаться своим имуществом в ущерб кредиторам. Вслед за этим статут 1585 года запретил добровольную, безвозмездную передачу земли, совершенную в ущерб ее последующим приобретателям, в том числе кредиторам. Этот статут очень строго трактовался в судах.

Иск *trespass*, в качестве альтернативного иска по обвинению в фелонии (тяжком преступлении), применялся и для получения возмещения за насильственное и непосредственное причинение вреда недвижимости, движимости или личности. В свою очередь *trespass on the case* предусматривал защиту от причинения вреда в случае ненасильственного, либо не прямо обнаруженного, либо обнаруженного впоследствии вреда. Более того, малейшее

вмешательство во владения недвижимостью или движимостью стало основанием для применения иска trespass "о нарушении владения" независимо от того, потерпел ли владелец вследствие такого вмешательства реальный ущерб или нет.

1. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Нормы средневекового уголовного права в значительной степени были созданы судебной практикой. Уголовное статутное право представляло собой среди его источников не что иное, как воспроизведение (полное или в более или менее измененном виде) соответствующих норм "общего права". Сложность порождалась и тем, что преступления и гражданские правонарушения различались не столько по природе противоправных действий, сколько по характеру процесса их рассмотрения. Одно и то же деяние могло оказаться и гражданским, и уголовным правонарушением, так как право, как указывалось выше, допускало и ту, и другую форму иска и соответствующего ему процесса, гражданского (направленного на подтверждение или восстановление определенных прав) либо уголовного (имеющего своим объектом наказание правонарушителя за совершенное им деяние).

Сложившегося комплекса норм, относящихся к "общей части", английское уголовное право не знало. До XII в. в праве господствовало представление об объективной ответственности. Долгие века английское уголовное право касалось главным образом преступных действий (убийства, разбоя, похищения детей, насилия над женщиной, ночного воровства со взломом), исключая преступное бездействие. Все вышеперечисленные преступные деяния предполагали злой умысел (*malice*).

С начала XII в. под влиянием римского и канонического права стали утверждаться взгляды о наличии вины как основания ответственности. Впервые принцип, заимствованный из поучений Блаженного Августина: "действие не делает виновным, если не виновата воля", был отражен в законе Генриха I в 1118 году. На понимание формы вины в XIII в. огромное влияние оказали доктрины, труды английских правоведов. Так, Брактон, трактуя понятия умышленного и неосторожного убийства, указывал, что "если убийца совершил убийство, занимаясь недозволенным делом, то ответственность наступает" даже при отсутствии его вины. Он исходил при этом из религиозно-

моралистического взгляда на вменение: "тому, кто занимается незаконным делом, вменяется все, что проистекает из преступления". В XIII в. человек, даже случайно убивший другого человека, нуждался в помиловании короля, на которое он мог, однако, безусловно рассчитывать. Орудие убийства конфисковывалось во всех случаях, чтобы очистить его от "кровавого пятна" путем посвящения Богу". Оно продавалось, а деньги от продажи шли на благотворительные цели "для спасения" души убитого, умершего без покаяния.

В развитие учения о различиях простого случая и преступной неосторожности внесла свой вклад доктрина, получившая название "поразительная доктрина Кока". "Если кто-либо, - поучал Кок, - стрелял в дикую птицу... и стрела без какого-либо злого намерения со стороны стрелявшего попадает в человека, находящегося в отдалении, - это есть случай, ибо стрелять в дикую птицу законно... но если он стрелял в петуха... или ручную какую-либо птицу, принадлежащую другому лицу, то совершенное при сем случайное убийство - есть тяжкое (murder), ибо действие было незаконно".

Английское средневековое право с начала XIV в. твердо исходило из принципа что "слабоумный или безумный не отвечает за преступление". Исключалась ответственность лица в случае самообороны при преступлениях, направленных против личности. Учение о соучастии, разработанное судебной практикой, исходило из принципа: "кто совершает нечто через другого, делает это сам". Тяжесть вины соучастников во многом определялась тем, действовал ли соучастник до или после совершения преступления. Соучастие до совершения преступлений, например, в форме подстрекательства, влекло, как правило, ответственность, равную ответственности "главного исполнителя", после совершения преступления - более мягкое наказание. Вместе с понятием соучастия было создано учение "о разной степени преступности": "главного участника преступления I степени", совершившего преступление, "главного участника преступления II степени", не принимавшего непосредственного участия, но присутствовавшего на месте совершения преступления,

"дополнительного участника", до совершения преступления помогавшего советом преступнику и не препятствовавшего совершению преступления.

В средневековом уголовном праве сложилось деление всех преступлений, ставшее традиционным, на три группы: измена (treason), фелония (felony) и мисдиминор (misdemeanour). Другая классификация преступлений носила чисто процессуальный характер. Это - преступления, которые преследовались по обвинительному акту (pleas of the Crown или indictable offences) и рассматривались в суде присяжных, и малозначительные правонарушения (petty offences), которые рассматривались в суммарном порядке (summary conviction).

Первым в XIII в. сложилось понятие фелонии, которая каралась, наряду со смертной казнью, конфискацией имущества. Об этом свидетельствует само слово felony, происходящее от слова fee - феодальное владение и Ion, что означает цену.

К числу фелонии и относились такие тяжкие преступления, как тяжкое убийство (murder), простое убийство (manslaughter), насильственное проникновение в чужое жилище ночью с целью совершения фелонии (burglary), похищение имущества (larceny) и др. Самым тяжким преступлением стала измена (treason), выделившаяся из числа других преступлений в XIV в. Измена могла быть совершена по "общему праву" или посредством нарушения долга верности королю со стороны его подданных, что называлось великой изменой (high treason), или - долга верности подчиненного человека своему господину (малая измена - petty treason). В этом случае признавалось изменой только умерщвление вышестоящего лица, например, убийство вассалом своего сеньора, женой - мужа или священником - своего епископа.

Обвинение в "великой измене" было мощным орудием в руках сильной королевской власти, широко используемым в борьбе со своими светскими противниками, баронами и непокорным клиром. В последнем случае обвинение в измене было особенно действенным, так как оно лишало представителей церкви "привилегии духовного звания", т.е. права рассмотрения их дел в

церковных судах, которые исключали применение смертной казни ("церковь не может проливать кровь").

Король при этом преследовал и материальную выгоду, ибо осужденный за "великую измену" феодал лишался своего землевладения, которое переходило после его казни не его наследникам, а королю.

В силу этого понятие измены всемерно расширялось в королевских судах. Не остался в стороне и английский средневековый парламент, который в соответствии с меняющейся политической конъюнктурой издавал статуты, относящиеся к "великой измене" такие действия, которые не имели ничего общего с "нарушением долга верности королю" (например, порицание как незаконного, а затем, наоборот, признание как законного одного из многочисленных браков Генриха VIII).

Попытки пресечь эти злоупотребления предпринимались со стороны феодалов неоднократно, но лишь в 1351 году Эдуардом III был принят статут, поставивший на какое-то время толкование измены в определенные рамки. Статут 1351 года, по утверждению Э. Кока, "не заменил положения "общего права", а только придал им законное выражение".

Понятие "великой измены" должно было ограничиваться семью формами: умышление смерти короля, его королевы или их старшего сына и наследника (при этом, вопреки действительному смыслу, понятие "умышление" включало в себя не только наличие умысла, но и действие, обнаруживающее его); изнасилование супруги короля, его незамужней старшей дочери или жены его старшего сына и наследника, которое признавалось таковым и при согласии женщины; ведение войны против короля, включающее в себя всякое "связанное с насилием возмущение большой группы лиц против королевского правительства"; переход на сторону врагов короля в его королевстве "путем оказания им помощи или содействия в королевском или ином мире"; умерщвление канцлера, главного казначея или королевского судьи (последнее положение было добавлено к статуту впоследствии).

Этот перечень дополнялся другими преступлениями против государственной безопасности, известными "общему праву": призыв к мятежу (sedition), незаконное собрание в целях учинения беспорядков (riot), а также сговор (conspiracy), соглашение двух или более лиц с противозаконными намерениями. Нечеткость понятия "сговор" давала возможность широко использовать его как против всяких форм недовольства существующим режимом, так и применительно к частным деликтам (tort) или даже к нарушениям договоров при таких обстоятельствах, "которые делают эти нарушения вредными для общества".

Мисдиминор развился постепенно из правонарушений, ранее влекущих за собой лишь взыскание причиненного ущерба в гражданском порядке. Со временем включение в эту группу серьезных преступлений, таких, как мошенничество, изготовление фальшивых документов, подлог, стирало принципиальные различия между фелонией и мисдиминором. Способствовала этому и возможность выбора той или иной формы иска при совершении преступлений. В случае удовлетворения иска о фелонии, например при причинении увечья, преступник расплачивался жизнью, если же потерпевший предъявлял иск "о нарушении прав", то это преступление относилось к мисдиминорам, влекущим тюремное заключение или штраф.

Среди имущественных преступлений очень рано в качестве тяжкого был признан поджог и насильственное проникновение в чужой дом. Выделение этих фелоний было связано с сакральным отношением англичан к дому, как к замку, охраняющему его от вреда ("мой дом - моя крепость"). В связи с этим поджог даже самого ветхого жилища карался сожжением самого преступника.

Своеобразной была трактовка похищения (larceny) у Брактона, который определял это понятие не как простую кражу, а несколько шире, как "злоумышленное обращение с чужим имуществом против воли собственника, с намерением обратить это имущество в свою собственность". Всякая кража во времена Эдуарда I каралась в качестве фелонии смертной казнью, но при

Эдуарде III (XIV в.) отнесение даже мелкой кражи к фелонии стало вызывать протесты, поэтому, оставаясь фелонией, "малая кража" (при стоимости похищенного меньше 12 пенсов) относилась не к фелонии, а к мисдиминору.

Это была одна из многочисленных правовых аномалий, известных английскому уголовному праву. К их числу следует отнести и аномально тяжкую уголовную ответственность за бродяжничество, которое всемерно пресекалось так называемым кровавым законодательством от Генриха VII (1457-1509 гг.) до Елизаветы I (1533-1603 гг.).

К бродягам, подлежащим таким наказаниям, как смертная казнь, тюремное заключение, обращение в рабство, порка, клеймение, относились безработные (в течение месяца), слуги, ушедшие самовольно от хозяев, просящие милостыню мужчины (за исключением калек, неспособных к труду, а также студентов, если они получили специальные разрешения канцлера своего университета) и др.

Цели наказаний менялись на отдельных этапах развития феодального права: от удовлетворения пострадавшего и его родни за причиненный ущерб до предотвращения повторного преступления путем устрашения (вырывание внутренностей из живого тела, выставленного у позорного столба, бичевание кнутом и пр.) В XVII в. в Англии было около 50 видов преступлений, каравшихся смертной казнью. К их числу относились такие виды смертной казни, как сожжение, колесование, четвертование. Крайняя жестокость наказания, слабо поддающегося реформированию, и в будущем была связана с тем же религиозно-моралистическим подходом к преступлению, определявшему профессионально-этические позиции судей, которым отводилась главная роль в сохранении правопорядка.

Несоизмеримость тяжести наказания тяжести преступления заставляла зачастую присяжных или оправдывать заведомого преступника, или, например, оценивать похищенное в заниженном размере. Спасала от жестоких наказаний и "привилегия духовного звания", которая была распространена на всех лиц,

имевших право быть посвященными в духовное звание, хотя они в этом звании и не состояли (фактически на всех мужчин, умеющих читать). Но в 1487 году был издан статут, установивший, что миряне могут пользоваться "привилегией духовного звания" только один раз. В качестве доказательства использования духовной привилегии ставилось клеймо на палец. При Генрихе VIII "привилегий духовного звания" были лишены все лица, совершившие убийство "с заранее обдуманым, злым намерением".

5. БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Феодалное брачно-семейное право Англии в значительной мере определялось интересами охраны и защиты феодалского землевладения. Оно находилось под сильнейшим влиянием канонического права. Ряд важнейших норм канонического права, например, церковная форма брака, запрещение двоеженства и пр. нашли непосредственное закрепление в законе. На пример, статут 1606 года относил двоеженство к фелонии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Английская средневековая семья носила патриархальный характер. Правовой статус замужней женщины был крайне ограничен. Ее движимое имущество переходило к мужу, в отношении недвижимого имущества устанавливалось его управление. Замужняя женщина не могла самостоятельно заключать договор, выступать в суде в защиту своих прав.

Относительно большей дееспособностью пользовались замужние женщины в крестьянских, ремесленных и купеческих семьях, там, где действовали соответствующие нормы обычного права. Они могли управлять своим имуществом, заключать договора, заниматься торговлей.

Развод признавался англосаксонским обычным правом. Женщина, уходя из семьи мужа в случае развода или в случае смерти мужа, получала свою долю семейного имущества (движимое имущество, скот, деньги). Каноническое право, как известно, не допускало развода. Разрешалось лишь при определенных обстоятельствах раздельное проживание супругов, "отлучение от стола и ложа".

В исключительных случаях развод мог быть, вероятно, разрешен папой римским, а впоследствии английским парламентом. Отказ папы в признании развода Генриху VIII стал, как известно, непосредственным поводом к полному разрыву английских королей с римской курией и установлению своего верховенства над английской церковью.

Внебрачные дети не признавались, учитывая отношение к ним не только католической церкви (как рожденным в грехе), но и баронов. Робкие попытки церкви допустить узаконение внебрачных детей последующим браком родителей встретили упорное сопротивление последних. Это было связано с той же охраной феодального землевладения, так как узаконение детей расширяло круг потенциальных наследников. Мертонский статут 1235 года прямо запретил узаконение внебрачных детей.

В феодальной Англии не было какой-либо единой системы наследования. Особый, медленно меняющийся порядок перехода по наследству реальной собственности отличался от наследования личной собственности. "Общее право" не знало завещательного распоряжения. Оно фактически было введено вместе с институтом доверительной собственности, который и стал со временем определять весь порядок получения наследства несовершеннолетними и по закону, и по завещанию, так как в любом случае требовалось назначение доверительного собственника для управления их имуществом.

В 1540 году было впервые разрешено на основе завещания беспрепятственно распоряжаться недвижимостью, если она не была "заповедной", но на наследников возлагалась обязанность материального обеспечения детей, не получивших наследства. Так как суды "общего права" не имели соответствующего инструментария для реализации таких обязательств, эти споры перешли в канцлерский суд.

Право первоначального притязания на движимое имущество лица, не оставившего завещательного распоряжения, принадлежало пережившему супругу. Этот институт получил в английском праве название *curtesy* - "любезность".

6. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

В XII-XIII вв. процесс носил обвинительный характер, т.е. о движении дела заботились сами стороны. В XII в. еще существовал "суд божий" - ордалии. Одним из действенных доказательств считалась присяга, нарушение которой влекло уголовное наказание. В дальнейшем состязательно-обвинительный процесс стал господствующим в судах "общего права" как по гражданским, так и по уголовным делам.

К расследованию дела непосредственно судьей (что является главной характерной чертой следственного процесса) прибегали в судах канцлера и в церковных судах. Но пытки применялись и в судах "общего права" при определенных обстоятельствах. Если обвиняемый признавал себя виновным, он немедленно присуждался к наказаниям. Если "стоял молча", выяснялось, молчал ли он "по злобе" или его "поразил господь".

"Общее право" исходило по делам об измене и мисдиминорах из презумпции, что молчание - признание вины. При обвинении в фелонии молчавшего подвергали пытке. Его клали на железную плиту и морили голодом. Многие предпочитали умереть под пыткой, так как, умирая неосужденным, человек спасал свое имущество от конфискации. Собственно предварительного следствия не существовало. Церковные суды, рассматривающие семейные дела (вплоть до 1857 года), прибегали к услугам расследователей, которые изучали доказательства и устанавливали факты. Их заключения и являлись основой решения.

В судах "общего права" доказательства собирались самими сторонами. В конце XV в. стали созываться специальные жюри так называемых обвинительных присяжных с целью проверки достоверности материалов обвинения. Если они признавали достаточными доводы в пользу обвинения, то составляли документ об обвинении и, не выслушивая доводы защиты, передавали дело в суд "малого жюри". Такую проверку мог проводить и

мировой судья. Интересно, что дача ложных показаний не всегда считалась преступлением в английских судах. Даже церковные суды, считавшие, что в их компетенцию входят дела о нарушении доверия, упускали лжесвидетельство из своего поля зрения.

Закон 1540 года ввел штраф за подкуп свидетеля, а в 1562 году лжесвидетельство стало наказываться штрафом в гражданском порядке. "Звездная палата" признавала наказуемым лжесвидетельство как преступление в форме "ложных показаний на суде". После того как стороны полностью предоставляли свои доказательства, судья должен был суммировать обстоятельства дела и дать совет присяжным, указывая на правовые вопросы по делу. Суд присяжных должен был выносить вердикт о виновности или невиновности обвиняемого единогласно.

Процесс носил открытый характер, за исключением процесса в "звездной палате".

В силу обвинительного характера процесса в Англии не получил развития институт государственного обвинения, представленный особыми должностными лицами. С XIII в. появились профессиональные правозаступники, которые делились на две категории: баристеров и солиситоров, или аттореев. Первые выступали в суде, т.е. принимали такое же участие в процессе, как и их клиент, если бы он лично вел дело. Солиситоры - ходатаи по делам занимались главным образом подготовкой дел к судебному рассмотрению. Первоначально баристеры получали возможность выступать в суде лишь по разрешению судей. С конца XV в. суды "общего права" стали записывать в своих реестрах имена тех лиц, которых они признавали представителями сторон, тем самым придавая им своеобразный статус должностных лиц при суде.

РАЗДЕЛ II

3. Рабыня-наложница родила хозяину двух сыновей, которых отец признал своими и воспитал их вместе с сыновьями от законной жены. После смерти отца сыновья от законной жены предъявили иск об обращении своих единокровных братьев в рабство. Правомерен ли этот иск, если суд будет исходить из законов Хаммурапи?

На сегодняшний день законы Хаммурапи – самые древние, из всех найденных и дошедших до нас. Для времени его создания, а записан судебник Хаммурапи был примерно в 1750 гг. до н.э., он показывал, что Вавилон был государством, имеющим свою мощную государственность.

Согласно статье 170 Законов Хаммурапи - «Если человеку его супруга родила сыновей и его рабыня родила ему сыновей и отец при жизни своей сказал сыновьям, которых ему родила рабыня: «Мои сыновья», и он их причислил к сыновьям супруги, то после того, как отец умрет, сыновья супруги и сыновья рабыни должны поровну поделиться имуществом в доме их отца; при разделе наследник, сын супруги, может выбрать свою долю и взять».

Исходя из этой статьи и ситуации, что при жизни отец признал своими детей рабыни-наложницы, дети от наложницы рассматриваются как равные наследники (с некоторыми оговорками) наравне с детьми законной жены. В данном иск об обращении в рабство детей наложницы является незаконным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, феодальное право в Англии отличалось запутанностью, сложностью, казуистичностью, что обусловлено особенностями его формирования.

Первые правовые сборники появились еще в VI веке. В Англии XI века до нормандского завоевания в раннефеодальный период право формировалось, базируясь на правовых записях, обычаях, которые представлены в виде Правды Этельберта, Правды Ина, Правды Альфреда, Законов Кнута. Все эти правды по содержанию имеют много общего с варварскими правдами.

Источники права средневековой Англии отражали:

- процессы социального расслоения;
- становление государственности;
- феодализацию общества;
- влияние христианской религии.

В основу Правды Этельберта легли нормы старого права, а также были отображены новые правовые положения (например, установление повышенных штрафов за преступления против церкви и короля, материальные взыскания в пользу монарха по ряду исков (убийство, кража).

Большое влияние на развитие права в средневековой Англии оказали нормативные акты, которые составляли все королевское законодательство, делая его более гибким и подвижным. Нормативные акты закрепили процесс феодализации общества, усиление власти монарха и его администрации.

После нормандского завоевания правовые обычаи стали унифицировать королевские судьи, приспособив имеющиеся нормы к новым условиям. Политика нормандских королей была направлена на сохранение и соблюдение англосаксонских обычаев. Начала зарождаться традиция исторической преемственности английского права. Роль основного гаранта соблюдения норм права принадлежала королевской власти и системе общегосударственных королевских судов. Постепенно сложилось «общее право», нормы которого

содержались в королевских приказах, которые издавались по каждому отдельному делу и в записях. Начиная с XI века на формирование права большое влияние оказал правовой прецедент.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1.Исаев М. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 томах. Том 2. Средневековье. Новое и новейшее время. Учебник. М.: Юрайт. 2018. 544 с.
- 2.История государства и права зарубежных стран. Шпаргалка. М.: Окей-книга, Рипол Классик. 2016. 48 с.
- 3.Матиенко Т. Л. История государства и права зарубежных стран. Практикум. Учебно-практическое пособие. М.: Юнити-Дана. 2018. 194 с.
- 4.Мухаев Р. Т. История государства и права зарубежных стран. Учебник. М.: Юрайт. 2014. 1008 с.
- 5.Прудников М. Н. История государства и права зарубежных стран в 2 частях. Часть 1. Государство и право в древности и средние века. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт. 2019. 360 с.
- 6.Шинкаренко К. И. История государства и права зарубежных стран в схемах. Учебное пособие. М.: Проспект. 2019. 80 с.